

ПОЛОЖЕНИЕ В РОССИИ

(Современная картина)

I. ВОЙСКО

В тот момент, когда последняя решительная схватка реакции с революцией и демократией вообще стоит на очереди как неизбежная перспектива, когда кровоточащая из тысячи мелких ран деспотическая власть, с ее приспешниками из родовитой и денежной знати, из армии и церкви, упорно обращает свои взоры на своего друга и защитника — русского царя — и угрожает нам казаками, — познакомиться с этим противником необходимо. В то время как одни полагают, что простого имени России достаточно, чтобы загнать демократию в мышиную нору, и верят в силу русской армии и неистощимость государственного казнохранилища Петропавловской крепости, как в Евангелие, другие выудили фразу, что Россия, это — колосс на глиняных ногах, и считают себя, таким образом, в праве смеяться над ее мнимой силой. Обе стороны ошибаются; мы не должны ни презирать, ни бояться этого врага. Задача этой и последующих статей заключается в том, чтобы правдивым изображением положения России дать немцам возможность правильного суждения.

Оборонительное, спокойное поведение России по отношению к бурям, которые в прошлом году потрясли Францию и Германию, грандиозные приготовления к войне и все же упорное пребывание в состоянии вооруженного мира, скопление войск на германской границе и все же безучастное наблюдение того, как у союзных дворов Потсдама и Вены была вырвана конституция, дали основание ученым предположениям и толкованиям. Как, спрашивают, ведь царь же знает, что и он погиб, коль скоро демократия победила во Франции и в Германии, почему же он не прискакет на помощь своим союзникам со всей силой, над которой он может повелевать? Уж не приходится ли ему бояться беспорядков внутри страны или даже бороться с ними? Хочет ли он дождаться официального приглашения для интервенции или же он боится в этом случае силы Англии и Франции? И теперь, когда он фактически вступил уже в Семиградию⁶², почему

он сделал это с такими незначительными силами, раз уже повод к войне налицо? Мы не хотим оспаривать веса подобных политических соображений, но действительное основание этого видимого спокойствия мы находим в состоянии самого русского войска; не в его внешнем состоянии, не в его снаряжении и вооружении, а во внутреннем, — в настроении солдат и младших офицеров. Никакую армию в мире — утверждаем мы — нельзя заслужить легкостью деморализовать, чем русскую. Причины этого начинают действовать с момента призыва новобранца и продолжают еще влиять после увольнения ветерана. Приходит указ, требующий от той или иной губернии выставить столько-то тысяч человек, и тут открывается ряд насилий, предательств, хитростей и подкупов, связанный с каждым рекрутским набором. На намеченную жертву набрасываются ночью, отрывают мужа от жены, от детей, от слепой матери, вырывают сына из объятий расслабленного от старости отца, часто только потому, что сын имеет красивую жену или же что он-де обидел управляющего господским имением при отправлении барщины; ему забирают лоб, он принадлежит теперь императору. Но его село и его родные говорят, что он принадлежит смерти, и провожают его причитаниями и пением похоронных песен, они прощаются с ним навеки. Они правы: как раз среди новобранцев смертность наиболее велика; можно принять, что она доходит до 10%, так как человек должен в разгаре зимы сменить привычную шубу на убогую солдатскую одежду, дать остричь свои длинные густые волосы, причем по дороге его обжигают на харчевых деньгах, так что он приходит в гарнизон еле живым от голода. Теперь он солдат, правда, в настоящее время только на десять лет, но он русский солдат, т.е. машина, животное, которое должно выносить высокую степень голода и побоев, и если оно падает под временем обоих, то умирает, не вызывая чьего-нибудь сожаления. Солдат на службе постоянно травим, у него нет спокойной минуты, вся его жизнь заключается в маршировках, караулах, учениях, чистке обмундирования и оружия; единственное слово, которое ему можно вымолвить, прав ли он или виноват, это — «слушаю» (*Sluschy*), т.е. повинуюсь. Как туго натянута царем тетива принудительной службы и как легко она может при благоприятных условиях порваться, показывает случай, произошедший всего несколько недель тому назад на

восточно-прусской границе. Расположенные там батальоны в подкрепление новобранцев из глубины страны, несчастных, еле живых от голода людей, в первые дни не были в состоянии носить оружие. Для того, чтобы сразу привести их в строевой вид, учение производилось шесть раз в неделю, на глинистой, размякшей от дождя почве, так что у людей все время уходило на учение и чистку вещей. Одновременно получился приказ из Петербурга, чтоб учение производилось и по воскресениям для ускорения подготовки этих войск. Когда приказ был им прочитан, вспыхнуло общее человеческое негодование, командир положил приказ в карман, и все осталось по-прежнему. Одни из офицеров этих частей вернулся с учения промокший, весь в грязи, и стал срывать с себя в присутствии товарищей кивер, мундир, все, вплоть до рубашки, и проклинать царя и эту собачью жизнь, не заботясь о том, что какой-нибудь доносчик может его выдать. Вдали от своих, без всяких прав и ежедневно еще обкрадываемый своими офицерами на половину получаемого им нищенского жалования в размере около 4 талеров в год, питаемый плохим непропеченым хлебом и небольшим количеством гречневой каши, солдат принужден красть, чтобы досыта наесться или напиться, а этот источник радости превращается для него снова в источник побоев даже тогда, когда, давая ему за это на чай, его посыпает на кражу капитан. Правда, в России существует так называемая инспекция полков, производимая генералом, во время которой солдат, на бумаге, имеет право жаловаться на свое начальство. Полковник, главный мошенник в полку, должен только поскорее дать генералу несколько тысяч рублей, и его полк будет найден в прекрасном состоянии. Если солдат осмелится пожаловаться, то с ним может случиться то, что описывает Тургенев: «Один кавалерист изложил генералу жалобу и получил в качестве ответа пощечину перед всем полком. Возмущенный этим полковник тотчас же удалился; генерал не мог этого понять и сказал; если я заткнул глотку этому наглецу, то сделал это я одинаково как в ваших интересах, так и в интересах дисциплины⁶³. Если больной солдат приходит в госпиталь, то он должен быть благодарен только своему собственному организму, если он не умрет от лекарств или от мошеннической диеты, которая введена больничными чиновниками в интересах их собственного кошелька. Все это известно всей России, новобранец знает свою участь во всех подробностях из рассказов кончивших службу, и

эти злоупотребления ожесточают его также в высшей степени, и он старается бежать от этих оков, куда только возможно. Ведь имеется же солдатская поговорка: только ленивый нас не бьет.

Подготовленный таким образом приходит армейский солдат на три года в Польшу, и, несмотря на строгий надзор, несмотря на страшные наказания, он уходит оттуда сильно пропитанный демократическими идеями. Обучение гвардейского полка берет на себя сам император и в особенности великий князь Михаил⁶⁴, — обучение при помощи бессмысленного служебного мучительства, которому он подвергает своих марионеток. Гвардейцы видят близко двор и все дворцовые дела; они знают, что император смертен. Как раз у гвардейцев, с которыми царь особенно кокетничает, при помощи которых он, очевидно, собирается раздавить в настоящий момент Германию и демократию, царит раздражение против царской фамилии, выявляющееся самым безбоязненным образом в ужаснейших ругательствах, которыми так изобилует русский язык. При императорских смотрах офицеры часто принуждены отходить в сторону, чтобы только не слышать тех проклятий, которые замученные солдаты бросают по адресу царя. Когда в прошлом году царь выпустил свой знаменитый военный манифест против «неверных»⁶⁵ и изобразил перед гвардейцами прелести похода против Франции и Германии, то на лицах этих людей, намеченных царской военной прихотью на роль пушечного мяса, не показалось ни малейшего выражения радости, и, несмотря на троекратный вызов, обязательное воодушевленное ура! не сорвалось с сомкнутых губ. Император вернулся во дворец, — и гвардейцы не пошли в поход. Мы уже говорили о Польше как о высшей демократической школе для русских. И это верно как в отношении офицеров, так и в отношении солдат. Поляки знали, что делали, когда они в 1831 г. написали на своих знаменах: За нашу и вашу свободу, — также и русские проливали свою кровь за Польшу. Мы не говорим здесь о первом сближении обеих наций во время заговора 1825 г., мы говорим о 1835 г., когда русские офицеры в Вильне организовали заговор для освобождения польского эмиссара Конарского⁶⁶. Несчастливые обстоятельства или негодность одного поляка привели к раскрытию этого плана, но имя капитана Караваева, который, как руководитель заговора, был казнен⁶⁷, еще произносится с уважением и восторгом. До 1825 г. русский офицерский корпус, по-

скольку он состоял из русских по национальности (иностранные являются самыми большими прислужниками), вплоть до офицеров в чине капитана, был очень хорошо настроен и одушевлен идеями свободы. Это произошло благодаря походам в Германию и Францию; Тугендунд⁶⁸ и подобные союзы остались в памяти офицеров и солдат, особенно в Воронцовском⁶⁹ корпусе, который лишь в 1818 г. вернулся из Франции. Теперь это можно встретить лишь в пехотных войсках и частью в артиллерии: в гвардейских и конных полках разворачивающая школа кадетских корпусов превратила молодых офицеров в простых материалистов, в нерассуждающие служебные машины. Таким образом, происходит то, что русский солдат, который всегда тоскует по дому, с неудовольствием думает о войне, и это чувство еще увеличивается, когда он в ночной тишине сравнивает свое настоящее положение с прошлым. Таким образом, происходит то, что он очень легко переходит во время войны на сторону родственных наций и вообще во всякое время дезертирует. Во время восстания 1846 г.⁷⁰ русские очень склонялись к переходу, и в 1848 г. перебежчики массами прибывали в Краков, принимали участие в борьбе, и еще в Бреславле⁷¹ можно было составить сильный батальон из этих перебежчиков. К сожалению, восстание имело слишком мало успеха, чтобы оно могло тогда же дать выявиться этой деморализации или, вернее, «морализации» русских войск. Сколько тысяч перебежжало в Пруссию в течение коротких месяцев уничтожения картельной конвенции!⁷² Здесь можно рассказать анекдот, относящийся к этому времени. Один русский фельдфебель был послан в прусский пограничный пункт, чтобы потребовать выдачи 20 находившихся там дезертиров. Прусский чиновник отказывал в этом; русский угрожал всем гневом царя, но так как это осталось без результата и русский получил, таким образом, уверенность, что о выдаче нечего и думать, то он заявил: тогда я остаюсь здесь. Что-то в этом роде разыгрывается, по-видимому, сейчас в Семиградии, и сознание, что это произойдет повсюду, заставляет царя держаться оборонительной политики, хотя и должен пробить час, когда он решится на бой.

Нам хочется еще сказать слово об отслуживших свой срок солдатах и об их своеобразном, вредном для царя положении. После десятилетних страданий солдат, получивший увольнение, возвращается в свою общину, но из этого еще не следует, что он свободный человек;

он в «отпуску на неопределенное время» и может быть опять призван в случае надобности. Но до этого положение такого отслужившего свой срок солдата совершенно исключительное: он принадлежит царю, без того чтобы этот последний давал ему хоть один пфенниг на его содержание, но он не подчинен и своему помещику, не подсуден ему. Этим своим положением он пользуется, чтобы приобрести влияние на своих собратьев, на крестьян, он является проводником недовольства, он сеет семя революции на столь плодородной почве русского крепостничества. Эти отслужившие свой срок солдаты являются самыми предприимчивыми и смелыми руководителями не прекращающихся крестьянских восстаний, о которых мы расскажем в следующей статье, ибо, в то время как раньше крестьяне только жгли и убивали без всякого плана и тактики, во время восстаний в Симбирской, Пензенской и др. губерниях было замечено, что восставшие имели центр армии, арьергард и авангард и что они вообще сражались более по-военному.

Таково внутреннее гнилостное состояние армии, которого не может прикрыть никакое искусство. На военную угрозу со стороны России мы ответим лучше всего открытием границ, уничтожением картельной конвенции, и военные силы, которые сейчас находятся на польской границе, должны будут в скором времени быть оттянуты обратно, чтобы помешать дезертирству людей к Свободе. Если же Россия хочет предупредить это посредством нападения, то она должна найти нас готовыми.

II. НАРОД

В нашей первой статье мы оторвали новобранца от его семьи, от его деревни, сопровождали его на военной службе и вернули отслужившего свой срок обратно в народ; присмотримся же теперь ближе к этому последнему. О русском народе за границей еще совсем не имеют представления, а если имеют, то довольно ошибочное; обычно его считают диким, несознательным и безвольным скопищем, массой нулей, которые, будучи приставлены к царской единице, придают ей внушительное положение. Это совершенно ложное представление: русский народ совсем не так тожественен, совсем не так единодушен с императором, как этот последний и оплаченные им

русские, немецкие и французские журналисты хотели бы внушить миру. Это самая грубая ложь, когда читаешь, что каждое утро 65 миллионов человек молятся за царя или же что царский приказ имеет безусловное действие от Вислы до Тихого океана; никто об этом не думает, и царь это знает лучше всех. Русский народ, пашущий землю, равно как и занятый в торговле и в ремеслах, крепостной, так называемый черный народ, расколот более чем на 200 сект, которые все носят политический характер и все сходятся на том, что отвергают нынешний порядок вещей, и власть царя считают царством антихриста. Эти секты, некоторые даже коммунистического характера, с общностью имущества и жен, распространены по всему государству вплоть до Урала и сильно преследуются, но становятся от этого еще более фанатичными: Екатерина II⁷³ их так жестоко преследовала, что некоторые общины поджигали сами свои деревни и бросались с женами и детьми в огонь, чтобы только не подчиняться православной государственной церкви и указам царицы. Александр⁷⁴ почти не тревожил этих раскольников до последних годов своего царствования; Николай, который из расчета — заодно с попами, а перед народом притворяется самым набожным человеком в государстве, начал вновь их жестоко преследовать; так, например, он загнал тысячи семейств сектантов-духоборов из восточной, центральной и южной России в степи Сибири и дикие горы Имеретии⁷⁵ и все же не мог заставить их отречься от своей веры и не добился другого результата, как только того, что пропаганда этих сект сделалась еще фанатичнее и еще успешнее. Чтобы показать, какой ненавистью против государственной церкви проникнуты сектанты, приведем только один пример. Некий молодой духобор (этот сектант не признает никакого авторитета) проделал в 1839 г. двести миль, само собой разумеется пешком, направляясь в Петербург только для того, чтобы дать митрополиту, главе государственной церкви, пощечину⁷⁶. А таких примеров, как осквернение причастия, когда сектант врывается во враждебную ему церковь и плюет в чашу с причастием, множество. Судите же, действительно ли весь русский народ видит в царе заместителя бога!

Что же касается всего народа, и православных и сектантов, то он тесно связан и объединен одним всех равно касающимся обстоятельством, — отсутствием свободы, рабством, в котором он находится, и стремлением из него вырваться. Не следует думать,

что крестьянин не знает, что он заслуживает лучшей жизни, более соответствующей человеческому достоинству участи, что, собственно, ему принадлежит земля, которую он обрабатывает во имя царя, государства или своего барина; бунты, восстания являются ясным показателем социального брожения в России, которое зашло гораздо дальше, чем это кажется Европе, видящей только поверхность, покрытую царскими красками. Первым большим протестом со стороны деревенского народа против угнетателей было восстание Пугачева⁷⁷ 1773–1775 гг., который, будучи простым казаком, трижды, под маской воскресшего Петра III⁷⁸, собирая пятидесятитысячное войско, взял Казань и продвинулся с Урала до Тамбова. Сектанты составляли его главную силу: пожары усадеб, груды трупов дворян и чиновников отмечали его путь; в Москве народ ждал только его появления, и Екатерина II дрожала на своем троне, пока, наконец, Пугачев не был разбит и захвачен в плен. Но память о нем, как о народном герое, продолжает жить, и народ все еще с гордостью передает рассказы о пугачевщине (времени Пугачева). После подавления этого кровавого восстания и казни его предводителей народ оставался спокоен до 1812 года, с которого начинается новое летоисчисление в истории России и начиная с которого мы должны различать движения народа и движения дворянства. Демократическая дворянская партия вступила с Наполеоном в переговоры, чтобы освободить при его помощи народ от ига крепостного права, но эту возможность совершил великолеший завоеватель отклонил, и тогда демократы обратили против него народное восстание, организованное в его пользу. Им удалось склонить Растопчина⁷⁹ к сожжению Москвы, — уступчивость, которую Александр наказал своей немилостью, так как он никогда не мог простить ему этого поступка, хотя он и делал вид перед всем светом, что был осведомлен о нем. Пожар Москвы, священного града, был, конечно, приписан врагу и разбудил из состояния дремоты весь народ; великан, проснувшись, напряг все свои силы, и с границ Сибири еще год спустя тянулись целые толпы добровольцев, чтобы отомстить за святой город.

В результате этой войны по всей стране появились вольные отряды, которые больше не хотели возвращаться к работе, особенно в губерниях Московской, Тверской и др., и которые громко заявляли: мы заслужили свою свободу на поле брани! И хотя эти беспорядки

были вновь подавлены, все же, начиная с 1842 г.⁸⁰, крестьянские восстания не прекращаются, каждый год происходит дюжина восстаний в самых различных округах, и они принимают все большие размеры: в то время как раньше поднимались только отдельные общины и округа, теперь восстание сразу же охватывает несколько губерний, так как народ, исполненный всюду одних и тех же стремлений, при первом известии из соседнего округа сейчас же хватается за оружие. Величайшая дикость, но также и возвышенный героизм проявляется во время этих восстаний. Во время холерного бунта в 1831 г. в Новгородской и Псковской губерниях около двухсот тысяч крестьян, взявшись за оружие, убивали всех господ, офицеров и чиновников с самым ужасным хладнокровием правосудия, без различия, были ли то друзья или враги крестьян. Так, один помещик увещевал своих взбунтовавшихся крестьян, говоря, что он, мол, был с ними всегда добр и справедлив, — почему же они хотят его убить? Это правда, — сказал один старый крестьянин со слезами на глазах, — но мы поклялись перебить всех дворян; умереть ты должен, но за то, что ты был добр, ты получишь легкую смерть. Другой крестьянин предложил ему свою трубку с табаком, чтобы перед концом помещик мог удовлетворить свою любимую привычку. С другой стороны, около восьми лет тому назад в Симбирской губернии был подвергнут казни один молодой крестьянин как руководитель одного из таких бунтов; все село провожало его с причитаниями и пением церковных песен на место казни. «Ничего, братцы, — крикнул он им в утешение, — не я первый, не я и последний!» Вообще русский народ легко возбудим, суеверен в высшей степени; достаточно какой-нибудь небылицы, чтобы толкнуть его на выступление, и в случае надобности его собственная фантазия изобретает такие небылицы, чтобы дать пищу его стремлению. Так, напр., около 1824 г. распространился слух, будто в Киеве у одного священника в наказание за его грехи выросли рога; жертву божьего суда повезли якобы в Петербург для расследования, и сотни тысяч крестьян спешили на военную дорогу, чтобы лицезреть это чудо⁸¹. 4–5 лет тому назад крестьяне Симбирской губ. поджигали свои деревни, и все поголовно утверждали, что это сделали дворяне, чтобы отомстить за предположенное царем освобождение крестьян.

Таким образом, в России речь идет уж не об одной отмене крепостного права, не об одном освобождении личности,

но одновременно и о праве на землю; крестьянин рассуждает об этом совершенно открыто; он не говорит: земля нашего господина, но — наша земля. Характер русской революции как социальной, таким образом, заранее предуказан и коренится также во всем характере народа, в его общинном укладе. Земля принадлежит общине, отдельный крестьянин имеет лишь право пользования ею, право наследования существует только для движимого имущества, но не для земельного участка, и каждые 20–25 лет производится новый передел земли. Нарушить этот общинный уклад, будь то с самыми лучшими намерениями, не дозволяется, это был бы смертный приговор для любого помещика. Но в этом стремлении улучшить свое положение, в этой готовности к бунту все крестьяне, уделные, государственные и крепостные⁸², единодушны, так как, несмотря на это тройное разделение по наименованию, они объединены одной и той же несчастной, несовместимой с их человеческим достоинством судьбой. Оба первые по наименованию не являются, подобно помещичьим крестьянам, крепостными; но на деле это сводится к тому же самому; зачастую их положение бывает еще хуже, так что эти крестьяне восклицают: хоть бы мы принадлежали помещику! Удельные крестьяне зачастую только променяли мягкие патриархальные отношения с помещиком или его единоличный произвол на систематическое угнетение и эксплуатацию чиновников; они находятся в управлении министра государственных имуществ. А чиновный мир есть хорошо расчлененное целое, лестница, состоящая из бесчисленных ступенек, из которых нельзя пропустить ни одной, если хочешь достичь вершины, царя. Недаром сказано в поговорке: до неба высоко, до царя далеко. Таким образом, можно без труда понять, что русское чиновничество представляет для народа болото, полное кровососущих пиявок, народ подвергается наглому обману, тирании и он же несет судебные кары, не имея возможности добиться правосудия, так как все жалобы застrevают по дороге в Петербург в канцеляриях высокопоставленных мошенников. Один пример пояснит это. Вследствие неурожая хлебов крестьяне Пензенской губ. получили несколько лет тому назад от правительства семенной картофель. Но картофель, вследствие посредничества и спекуляции подрядчиков, сгнил, и крестьяне протестовали против бесполезной работы по его посадке. За уступку чиновники взяли с них дорого, но

позже, чтобы спасти, по крайней мере, видимость и чтобы в неурожае посевного можно было обвинить погоду, они все-таки заставили крестьян посадить порченый картофель. Следствием этого было восстание возмущившихся крестьян, которое было подавлено лишь с помощью крови и кнута. Таким образом, хотя и дворянство не пользуется у крестьян любовью, все же чиновничество является первым объектом ненависти, и восстания разрушают так регулярно часть русской государственной машины, что Николай в 1841 г. пришел к мысли об освобождении крестьян, чтобы только спасти государственную машину. Мы увидим ниже, что это оказалось, — и не могло не оказаться, — напрасным трудом.

III. ДВОРЯНСТВО

Как о войске и народе, так и о русской аристократии за границей имеют самые ошибочные представления, которые, питаясь ложными воззрениями писателей о России и нарочитыми утверждениями русских писателей, создают самые нелепые басни о могуществе и величии этой аристократии и о зависимости от нее царя. Мы разрушим это представление до основания, дав сжатый обзор происхождения и истории русского дворянства. То, что называют русской аристократией, образовалось следующим образом:

До нашествия татар вся Россия была разделена на большое количество малых княжеств, главы которых, происходя из одного рода, признавали великого князя киевского, а позже — владимирского, главным в роде; но, впрочем, это родство не удерживало их от ведения кровопролитных войн друг с другом, причем на престиж великого князя обращалось чрезвычайно мало внимания. Вследствие патриархального порядка, который не признавал права майората в семьях, согласно которому владение всегда вновь делилось между сыновьями умершего, некоторые княжеские роды опустились до положения простых помещиков, сохраняя от своего былого величия одно лишь имя. Этот раздираемый внутренними раздорами комплекс больших и меньших княжеств в битве при Калке (31 мая 1224 г.⁸³) был легко уничтожен татарским натиском, который подчинил всех одинаково-му игу. Но мало-помалу под татарским владычеством возросли власть и престиж переселившегося из Владимира великого князя м о -

с к о в с к о г о, и это произошло благодаря двум одновременно действовавшим причинам. Великие князья увидели очень скоро свое бессилие против татар, но одновременно с этим они заметили еще большее бессилие остальных князей. С дипломатическим искусством, сохранившимся у царей еще до настоящего времени, великие князья стали разыгрывать роль наипреданнейших подданных татарских ханов, и при помощи лести и подбοрострастия они вскоре сумели добиться для себя роли ставленника над русскими князьями, в силу которой они получили право собирать дань и были признаны арбитрами при внутренних раздорах. Когда мы наблюдаем, как русская дипломатия и в настоящее время стремится играть роль посредника, как она этим путем приобрела Польшу, Грузию, как она давит на Молдавию и Валахию, на Грецию и Порту, как она умеет оказывать свое влияние на Германию, то мы понимаем, как хорошо должна была удастся их игра против маленьких, и без того угнетенных татарами, русских князей. Это была первая школа русской дипломатии, отсюда пошло проклятие, тяготеющее над русской политикой. Московские великие князья положили начало централизации России. В этом им помогло, кроме их собственной ловкости, еще одно обстоятельство, еще один союзник — народ. Изнывавший одновременно под игом татар и под гнетом своих князей, насилие которых было ограничено только неприкосновенным патриархальным и традиционным общинным порядком, — этой единственной конституцией России, благодаря которой крестьяне имели право пользования землей, принадлежащей господину, и право свободного отхода, — народ стремился к освобождению от этого бремени, и так как он видел невозможность при этой раздробленности восстать против татар, то он стал инстинктивно способствовать усилию власти великого князя за счет остальных удельных князей. В то время как централистские стремления Москвы все более и более венчались успехом, татарские despots сами впали в то состояние раскола и раздора, благодаря которому Россия оказалась слабее их, и великие князья воспользовались этим, чтобы сбросить, наконец, татарское иго. Полностью эта цель и централизация государства были достигнуты при Иванах III⁸⁴ и IV (Грозном⁸⁵), от 1462 до 1584 г., путем завоевания Новгорода, Пскова и т.д. и полного подчинения княжеских родов. Превратившись под именем бояр из независимых князей в простых царедворцев и чиновников великого князя, отупевшие и поработенные уже при татарском владычестве,

за редкими почтенными исключениями — грубые, ограниченные, суеверные — они организовали во время реформ Ивана пассивное сопротивление беспомощной и бездейственной партии, бессмысленно державшейся старого, ветхозаветного, в то время как по отношению к низам, к крестьянам, они оставались высокомерными, жестокими господами. Так способствовали они своей собственной погибели, ибо еще сильна была в народе любовь к царям, которые освободили его от татар. В лице Ивана Грозного русская дипломатия нашла свое наиболее полное выражение. Скрывая свое собственное стремление к абсолютизму и к увеличению могущества под видом заботливи о народе, он, под ликующие возгласы последнего, масками казнил тиранов-бояр и таким образом утвердил свою власть одновременно при помощи страха и любви. Насколько верна была эта народная привязанность к царям, показывает лучше всего народное восстание против поляков во времена Лжедимитриев⁸⁶ в XVII веке и происшедшее согласно воле народной избрание Романовых⁸⁷ на царский престол. Чтобы охарактеризовать эту аристократию, ее тупое окостенение в формах настоящей китайской иерархии, ее мелкое, смешное честолюбие в вопросах, касающихся ранга, ее собачью подлость, достаточно привести еще один пример. Это анекдот, взятый из самой скучной книги в мире, — из хроники правления великого князя Алексея Михайловича⁸⁸, в которой со всем педантизмом востока сообщается о каждом шаге царя с той же серьезностью, с какой Шехерезада⁸⁹ описывает одежду женщин и перечисляет подарки, считая это настолько важным и интересным, что султан должен даровать ей жизнь. Однажды за столом Алексея возник спор между двумя боярами по поводу более почетного места. Некоторое время великий князь не мешал этому, а затем распределил сиденья по своему усмотрению. Тот, который считал себя оскорбленным в своей чести, бросился князю в ноги, покатился под стол и стал вопить и кричать: прикажи убить меня, но не лишай чести мой род. Алексей имел лучшее средство: он приказал вывести дурака, одержимого идеей родовой чести, во двор, всыпать ему сотни две палочных ударов, и когда тот вернулся, то, совершенно успокоенный, сел на отвергнутое им прежде место. Такова аристократия того времени. Эти смешные споры и китайские глупости так часто повторялись, что преемник Алексея, Фёдор III⁹⁰, прибег к спасительному приему де-

спота: он повелел, под предлогом пересмотра, собрать все родовые книги дворянских фамилий, на которые опирались во всех спорах, и сжечь их. Но смертельный удар старой аристократии нанес Пётр Великий⁹¹ самовластным приказом о стрижке бороды, вывозе в свет сидевших до тех пор на азиатский манер взаперти женщин и т. п. и основанием нового, служилого или по чинам разделенного дворянства, причем по новому положению дворянство терялось в третьем поколении, если ни отец, ни сын не отправляли какой-нибудь должности на государственной службе по военному или гражданскому ведомству. Это, а также и назначение целой массы заслуженных иностранцев вызвали со стороны старого дворянства многочисленные восстания против Петра, реформы которого они изображали суеверному народу как безбожные. Безуспешность этого сопротивления известна.

В период от Петра I до Екатерины II из этого дворянства образовалась новая аристократия, аристократия могущественных царедворцев, опорный пункт которых находился в гвардейских полках, где сыновья и родственники этих семейств занимали офицерские посты. Но нужно сказать, что, если история русских императоров может поведать нам многое о деятельности этой аристократии в царствование Петра II⁹², Анны⁹³, Елизаветы⁹⁴, Петра III, масса земельного дворянства не стояла почти ни в какой связи с потрясавшими государство ночными предприятиями этой аристократии. Ко всем этим дворцовым интригам и дворцовым переворотам остальное дворянство было непричастно и оставляло придворным совершенно свободное поле. Одновременно эта придворная аристократия могла выставить дальних и энергичных людей, большей частью из школы Петра Великого, как русских по национальности, так и иностранцев; к ним принадлежали Меншиков⁹⁵, Миних⁹⁶, Остерман⁹⁷ и др. В царствование Екатерины эта аристократия, под покровительством царицы, приобрела утонченную культуру, ее представители образовались на чтении немецкой и французской литературы и выдвинули талантливых, дальних государственных людей, «светлейших господ» (welmoschy), как их называли, отличавшихся своей самостоятельностью. К ним принадлежат Потёмкин⁹⁸, Румянцев⁹⁹, Орлов¹⁰⁰, Бестужев¹⁰¹ и, по крайней мере по своей суповой независимости, Суворов¹⁰².

Екатерина, которая знала свободу только для одной аристократии и так мало интересовалась правами крестьян, что как раз в ее царствование крестьяне Украины, свободные до того, попали в крепостную зависимость, намеревалась возвысить дворянство до подлинной аристократии. Для этой цели она даровала ему политические права (т. е. право назначать предводителей дворянства, избирать судей, но отнюдь не права в том смысле, чтобы дворянство могло использовать их для оппозиции против нее, царицы), велела основать в разных губерниях библиотеки и действительно сообщила этому, до того времени довольно неотесанному дворянству, пусть хоть и внешнюю, но все же полировку и известное чувство собственного достоинства. Но как и все учреждения Екатерины, эта попытка возвысить дворянство была вновь уничтожена ненавистью Павла¹⁰³ к своей матери. В своем самодержавном безумии ему нравилось унижать человеческое достоинство и держать все в постоянном страхе, неуверенности и зависимости. Это доходило до того, что народ и даже сами гвардейские офицеры в форме предпочитали сбегать в канавы и там на время прятаться, чем рисковать встретить карету царя и простираясь перед ним в грязи, — до того, что дежурные офицеры гвардии всегда запасались деньгами, так как они никогда не знали, не будут ли они, вследствие какого-либо каприза Павла, отправлены прямо из дворца в Сибирь; отправил же он однажды из-за плохих маневров целый кавалерийский полк прямо с площади в Сибирь, пока его не вернули с дороги обратно. Убийство этого царя было праздником для дворянства во всей России, особенно же в Москве, где друг друга поздравляли, ибо на великого князя А л е к с а н д р а, воспитанного Лагарпом¹⁰⁴, возлагались величайшие надежды, которые и осуществились, так как в течение долгого времени почти не существовало никакой цензуры и иностранная литература могла изучаться с увлечением.

Тут пришел 1812 г., который, вызвав сильное и благотворное потрясение в русском народе, оказал влияние также и на дворянство. Борьба этого года была политической, она встряхнула дворянство всего государства, привела его к сознанию своего значения, пробудила в нем стремление к свободе. Военные действия передвинулись дальше на Запад, причем наблюдения и опыт в Германии и Франции питали ум и воспламеняли офицеров и солдат; ведь царь сам был заражен либерализмом, так как он обещал при даровании конституции

Польше соблаговолить распространить таковую и на русскую территорию. Все это увеличивало восторженный пыл в русской молодежи, но, в то время как эта последняя дожидалась времени, когда царский либерализм должен был бы, наконец, осуществиться на деле, он перешел в свою противоположность; Александр, под влиянием Меттерниха и мистицизма, опять уничтожил все, что построил, и старая деспотия вернулась вновь. Следствия не заставили себя ждать: пылкое, обманутое в своих надеждах молодое дворянство устроило заговор против царя, и этот заговор замечателен тем, что он явился первым пробуждением всего русского дворянства, а не прежним простым дворцовым заговором. Пустивший глубокие корни, особенно среди офицерства, где был представлен цвет дворянства, этот заговор привел к вспышке в 1825 г. и был кроваво подавлен. Как на всяком потерпевшее крушение благородное дело, так и на этот заговор подлость и продажность излили свой яд. Конечно, все в этом заговоре было еще юношески романтично, но первоначально поставленная цель — конституция для империи — была вскоре оставлена позади наиболее выдающимися вождями: Пестелем, Рылеевым, Муравьевым¹⁰⁵, которыми были заложены основы существенных еще и сегодня для русской революции принципов. То было объявление земли национальной собственностью, освобождение крестьян, свержение дома Романовых и образование славянской федеративной республики через разрушение российской империи.

Наравне в Петербурге и Тульчине¹⁰⁶, на виселицах и ссылках в Сибирь укрепил Николай свой трон; терроризм страха стал его святым... покровителем. Если его брат, в последние годы своего царствования, восстановлением цензуры, тайной полицией и инквизицией стеснял и подавлял благородный дух молодежи, то при Николае, особенно после польского восстания, стало еще хуже. Книги были строго-настрого запрещены, но читались они с тем большим рвением, и за большие деньги, несмотря на запрещение ввоза, можно было все достать. Одновременно с этим, несмотря на занятия литературой, некоторая дремота овладела на многие годы молодежью; она с отчаянья набросилась на изучение всевозможных немецких философов, этого духовного опиума для всех, кто жаждет действия, но осужден на бездействие. Однако неслыханный гнет разбудил также и новый дух, который, в противоположность духу 1825 г., столь богатому иллюзиями,

был реальным и основательным, так как опирался на знание всего позорного механизма. Русская литература современного периода занимается лишь исследованием и изображением невыносимого, отвратительного положения страны: это — период, который в Германии был воплощен в Бёрге, период мучительного самопознания, самооплывания. Плодом этого является приобретение молодым дворянством убеждения, что оно ничего не стоит, не имеет никакого будущего именно потому, что оно является дворянством, и лишь постольку, поскольку оно является таковым; что только в народе энергия, вся будущая жизнь России. Это есть догмат сегодняшней России!

Здесь уместно выступить против некоторых, очень распространенных, прочно укоренившихся и все же совершенно ложных утверждений. Все еще говорят о Москве как об очаге недовольства, как о существующем до настоящего времени сборном месте недовольной боярской партии. Это не так. Москва действительно является очагом недовольства, но недовольства радикальной молодежи, которая пренебрегает государственной службой и стремится к народу, стараясь слиться с ним в деревне. Партия же недовольных аристократов, которая во времена Екатерины имела свое местопребывание в Москве, уничтожена без малейшего следа; то была аристократия придворная и аристократия временщиков, которая опиралась на гвардию. Нынешняя придворная аристократия представляет лишь жалкую толпу прислужников, не имеющих уже энергии своих отцов — даже для убийства из-за угла. Если это дворянство действительно еще обладает кое-каким влиянием, то это влияние лакея, знающего все слабости своего повелителя, на своего господина; путем жалкого пресмыкания и подлых интриг, — но никогда посредством откровенности и прямого мужества, — еще можно здесь чего-нибудь добиться. Существует другое представление, согласно которому сенат стоит в резкой оппозиции царю и ставит ему часто своим противодействием помехи в осуществлении его самых мудрых реформ. Это смешно: сенат является *de jure* и *de facto* наиверноподданнейшим слугой царя; он еще никогда не осмелился показать хотя бы тень самостоятельности; царь является единственным источником всей законодательной и исполнительной власти: он назначает и смещает сенаторов, осуждает их по своему капризу в 24 часа и ссылает их в Сибирь, без

того чтобы хоть одна собака залаяла. Где же при такой зависимости проявиться еще чувству человеческого достоинства? Существует даже специальное выражение по этому поводу: он дурак, значит его надо в сенат. Правда, Пётр Великий хотел даровать сенату юридическое значение высшей судебной коллегии, но только не политической; теперь же он потерял и первое, ибо зачастую царь решает даже в гражданских процессах против сената. Нужно ли еще после этого описания опровергать нелепую басню о том, что царь несколько лет тому назад во время заседания собственоручно застрелил одного сенатора за противоречие или же что 25-й год царствования должен быть одновременно и годом смерти царя, так как в противном случае сенат не мог бы дальше ставить ему ограничения?!

IV. ЦЕРКОВЬ И ПОПЫ; ЧИНОВНИЧЕСТВО И ФИНАНСЫ

В России все рассчитано на то, чтобы пышным блеском заменить отсутствующую истинную сущность, и подобно тому как Потемкин, при помощи декораций и согнанного народа, обманул царицу Екатерину II относительно блестящего состояния вновь завоеванной провинции Тавриды¹⁰⁷, так и царь, в свою очередь, всегда стремится к тому, чтобы использовать к своей выгоде искусственно поддерживаемые иллюзии Европы относительно истинного состояния России. Так как он знает, насколько Европа склонна находить сходство между русскими и собственными порядками или же выводить русские порядки, исходя из представления о своем собственном могуществе, то ему легко удается из ничего создать предмет огромнейшего значения для чужих, особенно немецких ученых. Такое ничто представляет в России ц е р к о в ь. Но так как царь сделал себя и ц е р к о в н ы м г л а в о ю России и приказал разгласить себя таковым во всех книгах и так как римская церковь была на самом деле силой, а папа ее воплощением, то, заключают охочие до писания туристы, которые бегло осматривают Россию, не понимая ни ее языка, ни ее народа, и русская церковь должна быть силой, а царь должен быть одновременно и светским и церковным князем, имеющим власть над Сибирью и над небом. Мы должны, чтобы прийти к истинному пониманию России и власти царя, разрушить этот ни на чем не основанный предрассудок, выяснив, что такое п р а в о с л а в н а я ц е р к о в ь и

е е слуги, так как только о ней, а не о многочисленных сектах, здесь может быть речь. В противоположность своей римской сестре, греко-российская церковь является слугой государства; в то время как первая в борьбе, длившейся столетия, завоевала, благодаря своей внутренней силе, верховенство над князьями, греческая церковь никогда не изменяла мертвенных форм своего существования, которые сковывали дух, и, за редкими исключениями, не покидала состояния полной апатии. Теперь, после того как она дала подчинить себя светской власти, ей уже совершенно невозможно выбраться из этого состояния импотенции, так как для освобождения у нее нет больше ни сил, ни поля действия. По ее служителям нам станет ясной логическая неизбежность этого состояния. Священником (Pope) никто в России не становится по собственному побуждению — им становятся из своего рода наследственной традиции, по которой сын занимает должность своего отца. Если, таким образом, чувство призыва к священническому сану есть вещь невозможная, то все воспитание попа направлено к тому, чтобы сделать его неспособным стать священником в том смысле, как мы это понимаем, т.е. учителем и просветителем своего прихода и сделаться, таким образом, влиятельным членом общества. Слоняясь ребенком с крестьянскими мальчиками по деревне и получая, как и они, в наказание побои, он при этом мимоходом научается кое-как читать и писать. Только в 9 лет в его юношеской жизни происходит перемена; он должен отправиться в духовную школу соседнего города и там, при щедрых колотушках и скучном питании, в 4–5 лет успевает не больше, чем мальчик того же возраста в разумно поставленной школе в течение одного года. Как бы то ни было, он поступает затем, согласно установленному порядку, в духовную семинарию губернского города и там в течение 6–7 лет, при ужасающем, убивающем дух монашеском деспотизме, которому абсолютно нет никакого дела до чистоты нравов или до религиозного чувства, которому важны лишь видимость этого последнего и пустой обрядовый хлам, занимается схоластической белибердой. Если из него выйдет прок, то это в оправки этому методу воспитания, а не в следствие его. Из этой семинарии существуют три выхода. Или этот выдрессированный согласно всем правилам человек становится тем, чем был его отец, — дьяконом, попом, или он, как некоторые его товарищи по несчастью, поступает

в медицинскую академию, или же, если он действительно имеет способную голову, командируется в духовную академию. Семинария, таким образом, решает судьбу своего питомца, решает вопрос, станет ли он ч е р н ы м или б е л ы м п о п о м . Черным попом, т.е. монахом единственного русского ордена базилианцев¹⁰⁸, он становится со вступлением в духовную академию, где он проникает во все глубины схоластики, чтобы потом стать архимандритом, епископом и т.п. Среди этих ученых попов встречаются, конечно, иногда и дельные люди, которые из своего учения выносят даже наклонность к различным ересям, за что они, как только об этом пронюхают, ссылаются на покаяние в Соловецкий монастырь близ Архангельска или в какой-нибудь другой и даже в Сибирь. Некоторые из них (как Иннокентий Киевский)¹⁰⁹, ревностно изучают немецкую философию, но если бы они даже открыли новые системы, это не оказалось бы никакого влияния на церковь, так как философское образование не есть общее достояние всего черного духовенства; наоборот, — достояние только единиц. Недостаток солидарности среди этого высшего духовенства делает, конечно, невозможным всякое поползновение создать для церкви независимое положение в государстве; дающие себя знать порою стремления к самостоятельности являются изолированными и потому бессильными, царская немилость умеет ставить на свое место даже и митрополита московского Филарета¹¹⁰. Частное духовенство имеет мало влияния и на народ, с которым оно почти не приходит в соприкосновение; это влияние могло бы выпасть на долю б е л ы х попов, которые живут в народе и с народом, но мы сейчас увидим, что они вследствие своего воспитания и положения никогда этого влияния иметь не могут. То же рабство, то же отсутствие человеческого достоинства, которое принижает поповского сына в школе и семинарии, ожидает его вновь при выходе из последней в свет. Белый священник должен жениться, прежде чем быть посвященным в свой сан, но способ его женитьбы есть самая большая безнравственность. Точно так же, как он не становится священником по собственному выбору, он не становится по собственному выбору мужем девушки, которую он любит. Чтобы следовать предписаниям церкви и дать посвящаемому в священники жену, его родители вступают в переговоры с другой поповской семьей, которая имеет дочь на выданье, и между ними совершается соглашение; если денежный вопрос

находится в порядке, сын и дочь обязаны подчиниться. В качестве попа он имеет лишь церковное имение, доход с которого делит с дьяконом и с низшими церковными служащими; таким образом, начинается его зависимость от помещика и от крестьян тотчас же по вступлении в свою должность. Помещик разыгрывает роль немецкого покровителя церкви старого стиля и в зависимости от того, нравится ли ему поп или нет, дарит ему свою благосклонность или отказывает в ней, разрешает ему пользоваться строительным лесом и дровами и другими подачками для кухни и дома или нет; несчастный священник находится в таком же положении и по отношению к крестьянам. У них он должен выразить обработку своего поля, сбор урожая и тысячу мелких услуг в домашней жизни, так как для оплаты этих работ у него нет средств. Если же крестьяне это делают, то он должен обнаружить настолько ума, чтобы считаться с их слабостями, и не должен быть строгим; чтобы, таким образом, быть в состоянии жить по-человечески, он должен забыть о своем сане в своих отношениях с помещиком и с крестьянами. Он ничему не научился, делать он ничего не умеет, и вот он скучает или же сердится на свою жену, которая ему не нравится, пеняет на свое положение, которое ему навязано. Чтобы развлечься и утешиться, он идет к крестьянам, усердно посещает кабаки, пьянствует вместе с народом и притом с такой виртуозностью, что в России поп и пьяница являются равнозначающими понятиями; при этом он вскоре становится мишенью для народного остроумия. Как может он при таком поведении, при недостатке ума и образования, иметь влияние на народ? Правительство, конечно, очень хотело бы, чтобы священник приобрел такое влияние, чтобы использовать его в своих целях для своей безопасности; оно обязывает его в ежегодно обновляемом указе исполнять роль государственного шпиона, который должен сообщать правительству тайны исповеди относительно преступлений, в особенности политических. Но пока оно не в состоянии платить священникам жалованья, чтобы вырвать их из состояния зависимости, этот приказ остается, конечно, без действия. Народ, правда, ходит в церковь, чтобы исполнять обряды и смотреть на них, но ему и в голову не приходит исповедоваться в преступлениях, и священник всегда последний узнает что-либо о предполагавшемся волнении. О каком-либо фанатическом отношении к государственной

церкви, при отсутствии религиозного чувства в народе и ограниченности попа, не может, таким образом, быть и речи, — фанатизм существует только в сектах, и он направлен, как мы видим, против государственной церкви и против императора, для которого, таким образом, оказывается уничтоженной возможность в качестве главы государственной церкви фанатизировать русский народ.

Итак, никакие национальные, никакие религиозные узы не связывают народ с царем; его войско может сдерживаться только благодаря железной дисциплине, внутренне же оно, как часть народа, ему враждебно и не может служить ему опорой. Где же мы должны искать могущество царя? Может быть, в гражданском чиновничестве? Только закоренелый немецкий бюрократ, который никогда не покидает своей канцелярии, который никогда не заглянул в другую книгу, кроме своего регистра и таблиц, может прийти в немое изумление перед поразительным, тесно сплетенным внутренними нитями организмом русского чиновничества. Сведущий критик должен как раз в этом усмотреть наиболее уязвимое, губительнейшее место всей системы. Как ни богат соответствующий материал, который мы могли бы осветить примерами, — мы хотим быть здесь краткими и сказать, что начиная с наивысшей точки этой пирамиды до самого ее основания, все чиновники воруют самым циничным образом. Это настолько установившийся порядок и до такой степени считается присущим службе, что старший чиновник попрекает младшего тем, что тот-де для своего служебного положения (*Tschin*) слишком много крадет. Эта продажность есть необходимое следствие ничтожной оплаты бедной по своему происхождению массы чиновников, а также и того печального явления, что моральное понятие о чести в принципе у них совершенно не существует, да и не может существовать, по причине безусловного послушания и абсолютной несамостоятельности, являющихся первым и единственным долгом каждого хорошего русского чиновника. Обман здесь до того укоренился, что чиновник, имеющий идеальное представление о долге, рассматривается другими как враг, и он либо вынужден делать то, что другие, либо же подвергается утонченнейшей ненависти, страшнейшим преследованиям. Честный человек среди воров должен погибнуть. Без его ведома, с помощью подлога соответствующих документов, его или сделают соучастником преступ-

ления, или объявят политически неблагонадежным, и горе ему, если он в обоих этих случаях не обеспечен сильным покровительством при дворе. Он должен уйти, «он якобинец, он не хочет брать!» — говорят о нем, и высшие начальники из собственных интересов помогают освободиться от чудака, который позволяет себе иметь иное представление о государственной службе. **В и д и м о с т ь**, это — все, что требуется в России от хорошего чиновника; **в и д и м о с т ь** приносит повышения, ордена, деньги, **с у щ е с т в о** же ведет в Сибирь. Таким образом, получается то, что, несмотря на искусно расчлененный механизм, в чиновничем мире существует самая большая дезорганизация. Нет такого сенатора, такого министра, такого начальника департамента в Петербурге или в провинции, который не воровал бы. Даже жены чиновников используют эту привилегию своих мужей, и супруга **м и н и с т р а** **п о л и ц и и** Бенкендорфа¹¹¹ привозила целые пароходы, полные контрабандного товара, в Кронштадтский порт и содержала, через посредство своих крепостных служанок, большие торговые склады. Монополисту Б. нужен был для одной чрезвычайно выгодной спекуляции новый закон, и он добился этого при помощи подкупа **в с е г о** **с о в е т а** **м и н и -**
с т р о в. Конечно, царь хотел бы положить конец подобному положению вещей, но то, что он предпринимает против этого, есть только удары прутьями по воде, несколько капель которой брызжут на берег и высыхают, не уменьшая количества воды. Огромное количество воров и механизм чиновничего мира делают невозможной всякую реформу, тем более что царь скорее упрям, чем энергичен. Так, несколько лет тому назад он созвал комиссию для пересмотра кондитерских листов чиновников под своим собственным председательством. Во всем государстве были собраны данные, но ни один-единственный чиновник не оказался чист, и когда царь сместил несколько сотен их, то он почувствовал все свое бессилие вычистить эти авгиевы конюшни; он распустил комиссию, и все пошло по-прежнему. Эти несколько осужденных были только самыми глупыми, но не самыми наглыми мошенниками. Эту отвратительную тему мы заключим характерным анекдотом, который передадим по возможности в его первобытной красе. Министр внутренних дел Перовский¹¹² (известный своим неудачным походом в Хиву¹¹³), тоже идеалист, захотел внести немного больше честности в полицейскую жизнь и, конечно,

очутился вследствие этого во враждебных отношениях с начальником полиции Кокошкиным¹¹⁴ (или, как его остроумно прозвали за его взяточничество, *cache coquin*, т.е. укрывателем воров), продувным мошенником. Но царь, который всегда боится насильственной смерти и считает, что только при управлении Кокошкина он может спать спокойно, берет его всегда под свою защиту, несмотря на самые очевидные доказательства его дурных качеств. Наконец, Перовский решил, что он имеет в своих руках уничтожающее доказательство, так как Кокошкин получил от одного водочного монополиста 100 000 руб. серебром. В царской передней оба врага встретились, и Перовский сказал: «Поздравляю вас, ваше высокопревосходительство». Кокошкин бросается к царю, ждет нового изъявления милостей, но царь молчит. Вечером в обществе повторяется та же сцена. Кокошкин чует недоброе и спрашивает, с чем его должно поздравить. «Ну, вы уж знаете!» слышит он в ответ. Тогда Кокошкин спешит к царю, разыгрывает обиженного и грозится подать в отставку, ибо он знает слабую сторону царя. «Что это за глупость?» спрашивает царь, и Кокошкин рассказывает ему тогда остроту Перовского. «Что это за дурачества ты выкидываешь?» набрасывается царь на вызванного министра. «Ваше величество, это он уж сам знает», отвечает Перовский. «Прошу со мной не шутить, в чем дело?» приказывает Николай, и Перовский рассказывает ему всю историю. Теперь уж, наконец, неверный чиновник, конечно, должен погибнуть? Ничуть не бывало; когда Кокошкин вновь является, царь говорит ему только: «Я тоже тебя поздравляю». Тем дело и кончилось, и только позже счастливец узнал, с чем он должен был себя поздравить. Таким образом, русский чиновный мир неисправим, он притесняет народ, парализует даже хорошие, благотворные учреждения царя или совсем на них не обращает внимания и тем самым влечет за собой его падение.

От выжимания денег чиновникам и их мошенничестве переходим мы естественным образом к вопросу о состоянии русских финанс. Быть может, могущество царя, которое не имеет корней ни в народе, ни в религии, ни в военном, ни в гражданском чиновничестве, основывается на неисчерпаемых денежных средствах? Легенда предоставляет в распоряжение царя неслыханные денежные средства и много рассказывает о сокровищах Петропавловской крепости; а те чудовищные суммы, которые Россия ежегодно тратит на

подарки дипломатам и шпионам для поддержки ее собственных тайных планов, точно так же, как и на поддержание абсолютной монархии в Германии, наконец те денежные суммы, которые она ссужает Франции, Англии и Австрии, как бы говорят за правдивость этой легенды. Но откуда же эти доходы, если в общем народ беден, индустрия находится в младенческом состоянии, и только хищения и обман огромны? Откуда эти тайные сокровища, если Россия сама сделала займы в Голландии, Франции и Англии? О, — говорят в ответ, — царь владеет такими богатыми золотыми рудниками на Урале и в Сибири, что ему даже нельзя как следует их эксплуатировать, дабы не понизить стоимости золота. Конечно, царь владеет богатыми золотыми россыпями, но далеко не в таком размере, и за этот наш взгляд говорят немаловажные факты. Деньги, которые с таким шумом были выданы дворам Франции и Англии, были всего-навсего те, которые должны были бы лежать в подвалах банков как капитальный фонд, обеспечивающий государственный долг. При огромнейшем же количестве банкнот, которые обращаются в стране, напрашивается простой и логичный вывод, а именно, что даже пятая или даже меньшая часть этих банкнот не покрыта наличностью, в то время как при урегулированной финансовой системе по крайней мере третья часть их должна лежать нетронутой, чтобы в случае кризиса могли быть частично выкуплены облигации государственного займа. Но так называемая ссуда Англии и Франции представляла на самом деле не что иное, как обмен русских денег на английские и французские рентные бумаги, которые теперь, вместо золотой наличности, лежат в петербургском банке. Эта покупка была сделана в интересах абсолютизма, и революция, которая должна произойти также во Франции и в Англии, покажет, что Россия произвела невыгодную спекуляцию, так как ренты не будут оплачены, а золотая наличность израсходована.

Кроме того, при таком невероятном богатстве металлами должно было бы во всяком случае существовать больше звонкой монеты, а между тем во всей России, даже в губернских городах, только с большим трудом можно разменять сторублевую бумажку. Далее должно поразить то, что два года тому назад гражданским и военным чиновникам в течение трех месяцев не выплачивалось жалованье; тут было бы своевременно, не подвергая стоимости золота опасности

понижения, поэксплуатировать несколько более неизвестные рудники, но этого не случилось, ибо они вовсе не существуют в действительности. Ибо как ни дерзки сами по себе захваты царя, с помощью которых он присваивает себе крупные церковные доходы, деньги за церковные свечи, равно как и губернские школьные фонды, в глазах всех было бы прямым, уже ничем не оправдываемым насилием, если бы действительно уральские золотые источники вливались в личную сокровищницу царя. В самом деле, царь оспаривает право обращать в пользу духовных школ и семинарий деньги, которые набожные люди тратят на свечи и из которых ежегодно составляются огромнейшие суммы; отбиение у клира этих денег означает не что иное, как превращение его в еще более дикое состояние, увеличение его зависимости от помещика и крестьянина, и показывает, как велика нужда царя в деньгах, так как в интересах государства он и хотел бы обеспечить попов жалованьем, но денег для этого не имеет. Наконец, крайность нужды царя в деньгах доказывает и тот факт, что в сберегательной кассе Москвы, где купцы, ведущие торговлю с Востоком, держат свои деньги в ожидании времени расплаты, не получая с них процентов, три года тому назад не оказалось никаких денег, и большое количество купцов очутилось в тяжелом положении или же обанкротилось, ибо царь заключил принудительный зам.

Итак, больше бумажных денег, чем это должно быть при разумной финансовой системе, задержка жалованья чиновникам и, что хуже всего, посягательство на имущество частных лиц, — вот результаты русского хозяйства! Революция еще пока не задела России, но если она там разразится, то ей уж не будет удержу, ибо все, что ей должно противостоять, находится в состоянии разложения, и банкротство русского государства гораздо ближе, чем это думают слепо верующие.

Эта армия больших и малых воров и мошенников, не должна ли она быть одним из устоев государства? Совершенно очевидно обратное. Она есть разрушение государства, бессознательный губитель системы, для сохранения которой она якобы работает; она — злейший враг царя. Чиновничья каста рассматривает Россию как арену для своей грабительской и мародерской деятельности, и этот дух проникает великого и малого; эта каста, благодаря своей многочислен-

ности, своей организации, одинаковому сознанию своей вины, является действительным правителем России. По ее могущественным ступеням доходят приказы царя до народа, по ним поднимаются просьбы и жалобы народа к царю, но все это только с согласия самих чиновников. Если приказ сверху кажется им подозрительным и угрожающим их безопасности, то он, правда, тут же получает движение, даже, быть может, и опубликовывается, но только не исполняется, так как народ и частные лица не могут добиться его исполнения; их просьбы и жалобы не приводят ни к каким результатам, даже золото не действует на высших ступенях, так как сумма недостаточно соответствует чину; одним словом, до неба высоко, до царя далеко! Таким образом, естественным следствием этой грабительской системы чиновников является бесконечное озлобление народа против них, — озлобление, которое далеко превосходит ненависть народа к дворянству. Но чиновный мир, который, как мы видим, предписывает царю законы или же исполняет царские приказы, когда это ему благорассудится, не является больше орудием престола, а, скорее, могущественным орудием революции, которой он приносит в жертву самого себя вместе с царем.